

Гримуар Бакунина

Роман Дубов

Роман Дубов

Гримуар Бакунина

«Автор»

2026

Дубов Р.

Гримуар Бакунина / Р. Дубов — «Автор», 2026

Москва, 1984 год. Научный сотрудник Иван Травин получает загадочное письмо от друга из Японии, в котором тот просит помочь расшифровать странную записку советского скульптора Бориса Крайнева. В ходе расследования главный герой обнаруживает связь между древними библейскими текстами, революционной пропагандой и таинственными символами. За обычной исследовательской работой скрывается захватывающая история о секретах, спрятанных в самом сердце столицы. Математический ум и нестандартное мышление помогают Ивану распутать клубок загадок, где переплетаются геометрия, скульптура и мистические символы. Но чем глубже он погружается в расследование, тем больше понимает, что некоторые тайны лучше оставить нераскрытыми. Атмосферный детектив на стыке научной логики и мистических символов, где каждый математический расчёт может привести к неожиданным открытиям, а простая геометрическая фигура скрывает многовековые тайны.

© Дубов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
3 мая 1984 года	7
5 мая 1984 года	10
6 мая 1984 года	12
10 мая 1984 года	13
12 мая 1984 года	14
16 мая 1984 года	17
17 мая 1984 года	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Роман Дубов Гримуар Бакунина

Вступление

«Здравствуйте, дорогие товарищи. С праздником Вас, с Первомаем!

Москва, Красная площадь приветствует Вас!

Первомай — особенный праздник. Это праздник пробуждения природы. Умытая первыми весенними дождями, уже чуть тронутая зеленью, нарядная, встречает Москва этот праздник.

Первомай нынешний ознаменован важнейшими политическими событиями: состоялся пленум Центрального комитета партии, прошла первая сессия Верховного Совета СССР нового созыва. Генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Время все ближе к 10. Заполнены гостевые трибуны: здесь ветераны партии, передовики производства, деятели науки и культуры, военачальники.

У всех отличное, праздничное настроение, ведь москвичи пришли к Первомаю с хорошими трудовыми успехами: 140 предприятий, организаций города признаны образцовыми, более четверти жителей города Москвы носят звание «Ударника коммунистического труда».

Плечом к плечу в колоннах идут рабочие, ученые, студенты и строители, металлисты, телеграфисты, кондитеры...».

В сплоченных рядах университетской колонны отсутствовал один прогульщик, один из не многих. На груди его не горел кумачовый бант, а руки не сжимали букет проволоочно-бумажной сирени.

Одет он был тоже не по-праздничному, а скорее наоборот: закатанные выше колена темно-синие трико и белая майка «алкоголичка». Звали его Иван. Он был настоящим ученым. Из нагрудного кармана пиджака, висевшего в прихожей, торчал бордовый кусочек удостоверения: научный сотрудник.

В настоящий момент Иван гонял по паркету своей квартиры жгутом тряпки мутноватую жижу, уровень которой покрывал его босые розовые ступни.

«Такой приличный дом, сплошь академики и профессора»!

А ему «повезло» иметь этажом выше соседа-забудлыгу, каждые праздники выкидывающего какие-нибудь фортеля.

Воды зрительно не становилось меньше, не смотря на все старания Ивана.

Из телевизора радостно лился «Весенний марш» Исаака Дунаевского:

«Товарищ, товарищ!

В труде и в бою

Храни беззаветно Отчизну свою!

С тобой твой великий

Советский народ

Во имя свободы

Сквозь грозы, невзгоды

Он к цели заветной

Непреклонно идет...»

Явление героя нашей истории получилось не очень презентабельным, поэтому поспешим реабилитироваться, представив его во всей красе.

Что, как не полная объективных оценок характеристика, выданная отделом кадров, поможет в должной мере осветить этот момент.

Характеристика

на Ивана Луниовича Травина

Занимает должность научного сотрудника отдела геометрии и топологии Математического института имени Стеклова Академии наук СССР с 1977 года.

38 лет. Уроженец г. Москвы. Беспартийный.

Образование — высшее, в 1969 году закончил механико-математический факультета МГУ.

За время работы зарекомендовал себя как квалифицированный специалист и добросовестный работник. Обладает глубокими профессиональными знаниями, высокими аналитическими способностями.

Отличается ответственностью и дисциплинированностью. В коллективе пользуется авторитетом, поддерживает товарищеские отношения с коллегами.

За успехи в труде неоднократно поощрялся. Дисциплинарных взысканий не имеет.

Проживает: г. Москва, ул. Вавилова, дом 55/7, квартира (замазано).

Разведен. Детей не имеет.

Отец — Лунио Трофимович Травин 01.02.1924 года рождения, фронтовик, офицер.

Мать — сведения отсутствуют.

Спортсмен. Имеет разряд по лыжам. Является призером Второго открытого Кубка Москвы по игре го.

Поддерживает дружеские, интернациональные связи с коммунистами других стран.

«...Да здравствует Первое мая! День международной солидарности трудящихся в борьбе против империализма, за мир, демократию и социализм! Ура!..».

«О, наши пошли»! — Иван бросил взгляд на экран телевизора.

Мелькнул красно-желтый университетский транспарант.

«...Братский привет томящимся в застенках борцам за свободу, демократии и социализм, свободу узникам империализма и реакции...»

«Кажется все»! — Иван огляделся: последствия потопа в квартире были полностью устранены.

«...Да здравствует марксизм-ленинизм — вечно-живое, интернациональное учение! Ура!..».

Это был последний, спокойный, предперестроичный год. Казалось, это было не давно, но столько воды утекло с тех пор. Все перемешалось — правда и ложь, реальность и вымысел. Уже не разберешь. Поэтому, следует предупредить, уважаемого читателя, что данное произведение является художественным вымыслом и не претендует на документальную точность.

Любые совпадения с реальными людьми, событиями или фактами случайны.

Автор не несет ответственности за ущерб, который может возникнуть из-за использования или неправильной интерпретации информации и техник, изложенных в данном произведении.

3 мая 1984 года

Приятно было ощущать ступнями тепло паркета. Иван Луниович делал утреннюю гимнастику. Из форточки доносился шум пробуждающегося города и тянуло весенней свежестью.

Пип, пип, пип, пип. Говорит Москва. Московское время 8 часов. Мелодично пропели позывные радио: «Родина слышит, родина знает». Передаем утренний выпуск последних известий...

Наклонив корпус вперед, Иван Луниович выполнял упражнение «Мельница». Отражение на лаковой поверхности серванта действительно походило на работающую мельницу. Он был высокого роста, худ, долговяз и довольно неуклюж. Длинные руки и ноги, а в придачу с огромными как лопаты ладонями, подчеркивали характерное сходство с силуэтом мельницы. Форма головы у Иван Луниовича была необычная: вытянутая, будто лошадиная. Черты лица грубоватые, словно второпях высеченные скульптором.

«Зато глаза умные», — он бросил взгляд в зеркало, вспомнив слова бывшей жены.

Приняв контрастный душ и позавтракав, Иван Луниович оделся и спустился на улицу.

«Жалко, что до института идти всего пять минут», — он беззаветно любил свой город и наслаждался каждой минутой, проведенной наедине с ним.

Мимо пробежал веселый охряно-белый трамвайчик 26 маршрута. Ввиду аномально теплой весны, на тополях уже появились маленькие, блестящие листочки. На крыше Дома аспирантов и стажёров №1 промышленные альпинисты монтировали кумачового цвета конструкцию с лозунгом: «Наука — на службу пятилетке!».

Иван Луниович распахнул деревянную дверь института, находящегося в 4-х этажном кирпичном здании абрикосового цвета.

В почтовой экспедиции его ждал конверт с красными зарубежными штемпелями, надписи были сделаны по-английски: из Японии, от Седзи Коями.

Это был его многолетний друг по переписке, с которым они познакомились 6 лет назад во время визита в СССР «Корабля дружбы». Данное название закрепилось как символическое обозначение морских рейсов, которые организовывались для укрепления народной дипломатии между СССР и Японией.

В августе 1978 года в рамках программы культурного обмена из Осаки в СССР прибыла японская делегация игроков го. К прибытию «Корабля дружбы» в Звенигороде было приурочено проведение турнира по игре го сборных команд РСФСР, Украины, Москвы и Ленинграда. Японские мастера провели сеансы одновременной игры, читали лекции и проводили разборы партий, подарили советской стороне пособия и сборники задач (цумэ-го), а также настоящие, хорошие комплекты для игры в го.

Появление в нашей стране этой древней и глубокой стратегической игры скрыто пеленой времен. Говорят, еще в начале 20 века находились редкие ценители «облавных шашек».

В Москве в конце 60-х годах любители игры го сплотились вокруг академика Новикова. Сергей Сергеевич — выдающийся советский математик, лауреат Ленинской премии, в молодости прославился раскрытием секрета немецких шифров. Он был учителем Ивана Луниовича и его непосредственным начальником.

Дело в том, что умение играть в го на приличном уровне было негласным критерием для комплектования отдела геометрии и топологии института.

Сергей Сергеевич искренне считал, что хороший игрок в го обладает качествами, необходимыми для занятия точной наукой: умением держать в голове многофакторную систему, распознавать паттерны и типологии, работать с неопределённостью и неполными данными. Не умеющие сколько-нибудь освоить игру го сотрудники безжалостно увольнялись.

В начале своей карьеры в институте Иван Луниович вынужден был разобраться в правилах и нюансах игры, а потом увлекшись достиг неплохих результатов.

Седзи Коями был членом коммунистической партии Японии. Их скорое знакомство на ниве игры в го и живого интереса к культуре стран друг друга, переросло в глубокую симпатию и многолетнюю дружбу по переписке. Письма часто были длинными и касались разнообразных тем.

Седзи удобнее было писать на адрес института Ивана Луниовича.

— Так мы развиваем международное сотрудничество! — объяснял он. Между коммунистическими партиями. Политических тем, действительно было много, и в таком же ключе было последнее письмо Седзи:

«Уважаемый товарищ Иван, дорогой друг!

Обращаюсь к тебе с помощью в одном деле. Для полного его понимания вынужден поведать издалека.

Как ты знаешь, в 1945 году японские оккупационные войска, под натиском Красной Армии, капитулировали и покинули Харбин — русский город в Манчжурии. Они захватили с собой часть архива русской эмиграции. Долгое время данный архив был засекречен японским правительством и к нему не было публичного доступа. По истечении срока секретности некоторые документы, не представляющие ценности для правительства, стали передаваться профильным организациям. Компартии Японии досталась часть документов, связанных с революцией в Советской России. Каким образом они попали в архив русских эмигрантов — неизвестно.

Нашей ячейке поручено организовать создание небольшого памятного музея советско-японской дружбы. Основой экспозиции послужат документы личной и деловой переписки людей, участвующих в этих Великих событиях. Зная, что я интересуюсь Россией и переписываюсь с тобой, мне поручено разобрать и систематизировать письма советских друзей. В настоящее время я занимаюсь перепиской некоего Бориса Крайнева.

Пересылаю тебе копию фрагмента его записки. Ее содержание выглядит необычно и загадочно. К сожалению, перевод записки не выявил ее сути, видимо незнание нюансов и контекста записки, а также ее неполная сохранность, не позволили мне это сделать.

Предполагаю, что это библиографический список какой-то статьи или письма Бориса Крайнева. Из текста других писем можно сделать вывод, что Крайнев был известным советским скульптором. Нам бы очень хотелось узнать историю этого человека, какую роль он сыграл в революции, чем занимался и что написал в этой загадочной записке?

С огромным уважением, твой друг Седзи Коями».

К письму была приложена копия фрагмента записки. Разобрать можно было только следующее:

1 Петра 5:8

Евр. 11:5

Быт. 5:24

Иуд. 1:14

Известия №74 (338)

Бог и государство, Свободное братство

Ниже строкой находилось графическое изображение, в виде какого-то сложного геометрического узора, удивительно гармоничного и по виду напоминавшее печать или может быть экслибрис.

Вечером по дороге домой Иван Луниович заскочил в книжный магазин. Знаменитая «Академкнига» располагалась в его доме и занимала весь первый этаж здания, мягкий желтый свет вырывался из огромных арочных окон на вечернюю улицу.

Хорошо знакомый продавец принес Травину 13 том Большой советской энциклопедии и какую-то тонкую книжку про советское монументальное искусство.

Быстро прочитав, Иван Луникович, тут же внес сведения в блокнот:

«Борис Даниилович Крайнев (26.12.1884 — 02.02.1929) — советский скульптор. 3-й московская гимназия, физико-математический факультет МГУ, Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Участник Революции 1905 года. В 1906 году уехал в Швейцарию, чтобы избежать ареста. После окончания училища в 1913 году несколько лет провел в путешествии по Европе. Испытал сильное влияние европейского кубизма.

Являлся ключевым организатором реализации ленинского плана монументальной пропаганды. Возглавлял «Скульптживарх» — одну из комиссий Наркомата просвещения, московскую артель и профком скульпторов. Стоял у истоков формирования советской скульптурной школы».

«Надо будет в субботу сходить в „Ленинку“, — решил Иван Луникович.

5 мая 1984 года

Утром в районе 10 часов Иван Луниович вынырнул из подземного перехода станции метро «Библиотека имени Ленина» на проспект Маркса. Перед глазами выросло массивное, монументальное здание. Тяжёлое, собранное, не терпящее суеты — дворец знаний, античный храм, объёмы которого уверено заявляли: здесь хранится память, и для неё нужен фундамент, достойный веков. Широкие ступени вели вверх, как дорога к чему-то обязательному и серьёзному. Колонны стояли ровно, будто стражи, бронзовые барельефы мерцали тёмным металлом, добавляя фасаду весомости.

Иван Луниович обожал «Ленинку», ему нравилось здесь находиться, в особой атмосфере, которая была только здесь: тёплый, сухой, чуть пряный аромат бумаги и дерева; янтарная, медовая, пастельная палитра интерьера; тишина, в которой время течет незаметно, нарушаемая редким гулким кашлем или шарканьем отодвигаемого стула.

Просторный третий читальный зал со стройными рядами столов и зелеными абажурами как часовыми, дополнялся по периметру галереей, из окон которой можно было увидеть Троицкую башню, крышу Кремлёвского дворца съездов и колокольню Ивана Великого.

Показав текст записки Крайнева дежурному библиографу, Иван Луниович через продолжительную паузу получил ориентирующую консультацию в каких разделах каталога, что и как искать. Заполнив требования и передав их на кафедру обслуживания, приготовился ждать.

Через 50 минут перед ним лежали следующие печатные издания: Ветхий и Новый Завет Библии в Синодальном переводе, подшивка газеты «Известия» за 1918 год и издание 1920 года незаконченной рукописи Михаила Бакунина «Бог и государство».

Записка Крайнева стала наполняться содержанием. Первые четыре записи — это были ссылки на соответствующий стих Священного Писания:

1 Петра 5:8: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить».

Евр. 11:5: «Верю Енох переселен был так, что не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу».

Быт. 5:24: «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его».

Иуд. 1:14: «О них пророчествовал и Енох, седьмой от Адама, говоря: „се, идёт Господь со тьмами святых Ангелов Своих“».

Газета «Известия» №74 (338) от 14 апреля 1918 года содержала множества статей, рубрик и сообщений, таких как: «Империализм и национальный вопрос», «О сдельной плате», «Иностранное обозрение», «В стане контрреволюции», «Телеграммы, действия и распоряжения Правительства», «Объявления коменданта Кремля» и т.д.

«Бог и государство», издательства 1920 года «Свободного братства», Харьков — была незаконченная работа Михаила Бакунина, опубликованная посмертно, это был один из ключевых текстов анархистской мысли, где автор критиковал религию и государство как взаимосвязанные механизмы угнетения.

Прочитав все материалы, Иван Луниович задумался: «О чем была записка Крайнева, какова ее роль?

«В принципе можно было заказать фотокопии всех текстов и отправить их Седзи и мою миссию считать исполненной», — подумал Травин. «Но это было бы не по-товарищески. Что-то в этой записке было иррациональное, влекущее погрузиться в нее, разгадать ее».

«В конце концов без меня Седзи не разберется!» — Травин решил продолжить исследовательскую деятельность, но подойти к ней как к научной задаче по всем канонам.

Набрал план:

Постановка проблемы и четкая формулировка вопроса: есть.

Обзор знаний и сбор данных: что уже известно, что нет, что надо изучить: необходимо сделать.

Выдвижение версий. Выбор наиболее простой и правдоподобной: версия Седзи, что записка — это библиографический список.

Подбор методов: идеально подходят моделирование, анализ, синтез.

Проверка.

«Во-первых, необходимо выделить семантические единицы информации, они же — опорные слова-маркеры, которыми впоследствии буду оперировать.

Далее необходимо установить разного рода взаимоотношения между ними, составить карту связей, предложить простейшую онтологическую модель».

Иван Луниович вырвал из тетради листок, сложив его вдвое, поделил пополам и озаглавил: «Карточка №1». Записал:

«Борис Крайнев

математика

скульптор

монументальная пропаганда

был за рубежом

кубизм

Скульптживарх».

Карточкой №2 была непосредственно записка Крайнева.

На карточке №3 появились операторы: «Михаил Бакунин» и «Енох»: в стихах Священного Писания трижды упоминалось это имя. Между стихами Священного Писания и словом Енох были проведены линии связи.

В карточку №4 были внесены все письменные источники.

Закрепив карточки перед глазами на конторке библиотечного стола, Иван Луниович еще раз пробежался по тексту документов.

Вторая возможная связь была обнаружена на третьей странице «Известий»: в пятом столбце в разделе «Действия и распоряжения Правительства» находился Декрет Совнаркома о памятниках Республики.

Согласно этому декрету в Москве и других городах Республики, во знаменовании великого переворота, преобразившего Россию, предписывалось снести царские памятники, не имеющие художественной ценности, и установить новые революционные памятники, а также другие объекты пропаганды и декорирования города. Подписали декрет: Ленин, Луначарский, Сталин.

Таким образом невидимая ниточка протянулась от этого Декрета к ключевым словам: «Скульптор и монументальная пропаганда».

В карточку №4 была добавлена строка: Декрет Совета Народных Комиссаров от 13 апреля 1918 года №1393 «О памятниках Республики».

6 мая 1984 года

В воскресенье Иван Луниович продолжил сбор дополнительных данных. В библиотечном каталоге были подобраны материалы по теме: «Монументальная пропаганда».

Особенно интересным показались воспоминания наркома просвещения Анатолия Луначарского, напечатанные в Литературной газете 19 января 1933 года:

«Однажды у меня состоялся очень замечательный разговор с Лениным, имевшим позднее грандиозные последствия:

— Анатолий Васильевич, давно уже передо мною носилась эта идея, которую я вам сейчас изложу. Помните, что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство — словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений?

Я страшно заинтересовался: использовать искусство для такой огромной цели, как воспитательная пропаганда наших великих идей, сразу показалось крайне заманчивым.

Владимир Ильич продолжал:

— Наш климат вряд ли позволит фрески, о которых мечтал Кампанелла. Вот почему, я говорю, главным образом о скульптурах и лозунгах. Я назвал бы это — монументальной пропагандой!

— Нужно составить список подлинных героев культуры, светочей мысли, науки и искусства, революционеров и общественных деятелей».

И 2 августа 1918 года был утвержден «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах». Он содержал 66 фамилий.

Далее в воспоминаниях Луначарского был упомянут и Крайнев:

«... А Бакунин ныне такого зрелого и вполне приемлемого художника Крайнева, в то время был до такой степени страшен, что многие говорили, что будто бы даже лошади при виде его кидаются в сторону, хотя надо сказать, что Бакунин этот выглядел из плохо сколоченного забора и открыт не был».

Решив поразмышлять об этом попозже, Иван Луниович, ограничился тем, что на основании добытой информации внес новые ключевые слова в карточки, а также сделал заметки о возможных связях между ними.

10 мая 1984 года

Утром по дороге на работу Иван Луниович отстоял небольшую очередь к киоску «Союз-печати», купил стандартный набор газет: «Комсомолку», «Вечерку», «Известия». Удалось отхватить «Огонек» и «Технику молодежи», случайно найденную продавцом в недрах киоска.

В обеденный перерыв Иван Луниович не пошел, как все, играть в го в соседний кабинет, а остался на рабочем месте и, развалившись, развернул «Огонек»:

«Москва, 9 мая 1984 года. Над столицей — ясное майское небо, а в воздухе — особый, торжественный настрой: город отмечает 39-ю годовщину Великой Победы.

Утро началось с главного — парада на Красной площади. Стройные колонны, чёткий шаг, знамёна, развевающиеся на ветру. В этот день всё было особенно: впервые участникам парада вручали памятные нагрудные знаки.

В пеших колоннах рядом с советскими подразделениями шли военные из братских социалистических стран — из Польши, Чехословакии, других государств нашего общего лагеря.

У Могилы Неизвестного Солдата в Александровском саду — торжественная тишина. Венки, цветы, минута молчания. Здесь не нужны громкие слова: достаточно того, что люди пришли, что помнят.

А в сквере у Большого театра — совсем другая атмосфера: тёплая, почти домашняя. Сюда, как по неписаному обычаю, стекались ветераны. Они встречались, обнимались, вспоминали однополчан. Кто-то доставал из кармана потёртую фотографию, кто-то тихо напевал фронтовую песню.

Город жил и музыкой: на площадях и в парках выступали самодеятельные коллективы, звучали песни, знакомые каждому с детства. Казалось, что вся Москва поёт «День Победы», и этот мотив плывёт над улицами, соединяя поколения.

К вечеру столица замерла в ожидании главного аккорда праздника — салюта. Над Москвой прогремели залпы артиллерийских орудий и в небо взмыли праздничные фонтаны.

Этот День Победы запомнится многим не только масштабом, но и особым смыслом. Совсем недавно страна заявила о бойкоте Олимпиады в Лос-Анджелесе, и на фоне этого внешнеполитического шага парад с участием союзников прозвучал особенно весомо: мы не одни, у нас есть друзья, есть общая история и общая ответственность за мир.

Москва праздновала, вспоминала, гордилась — и верила, что память о подвиге будет жить вечно».

12 мая 1984 года

Дон Кихот и Санчо Панса.

Он заметил ее сразу: она была какая-то несуразная, выделяющаяся из толпы, как бельмо. То ли из-за своего нелепого внешнего вида, то ли из-за непривычно индивидуалистического поведения, выбивающегося из строгого общего ритма библиотечного зала.

Маленького роста, пухленькая, модная прическа, которой форсили артисты из «Мелодий и ритмов зарубежной эстрады», брюки-бананы, жакет с накладными плечами. Все это совершенно ей не шло: с ее фигурой и телосложением, вероятно, не просто было подобрать стиль, но современная мода — точно не лучший выбор.

«Довольно симпатичная», — позже обнаружит Иван Луниович, а ведь сначала так не показалось.

Немного отвлекшись, Иван Луниович вновь погрузился в чтение. Его стала занимать эта исследовательская работа в сфере, так не похожей на любимую математику. Потерев глаза, он решил сделать перерыв на обед.

В библиотечном буфете было многолюдно. Вероятно, мысль о перекусе пришла в голову всем одновременно. Заняв освободившейся столик у стены, Иван Луниович приготовился поглощать сметану из стакана.

— У вас свободно? — та самая девица, вопросительно смотрела на него.

На секунду смутившись, Иван Луниович пробормотал:

— Да, да, пожалуйста! — и, сгребая со стола еду и книги, торопливо освободил ей место.

— Что вы читаете? — спросила она, наклонив голову.

Поколебавшись, он сухо ответил:

— Книгу о монументальном искусстве

— Как интересно! Вы — скульптор? Нет? А я — журналист! Собираю здесь сведения для статьи. Меня Астрой зовут, между прочим.

— Иван, — представился он и ради вежливости добавил:

— О чем ваша статья?

— Я пишу очерк об архитектуре и городской среде как «действующем лице» культуры. Это будут такие размышления о том, как город становится полноценным «персонажем» — со своим характером, историей и даже «судьбой». Очень интересно!

«Видимо ее любимое слово», — предположил Иван Луниович. Первоначальное желание отмахнуться от нее, возможно даже с бесцеремонностью, сменилось заинтересованностью: что-то в ее непосредственности было импонирующее.

И самое главное — ему давно хотелось с кем-то поделиться результатами своих изысканий, проверить в живом диалоге. Кроме того, ее познания в архитектуре и тем более связи в журналистском мире могли сильно помочь ему.

Заметив в его глазах признаки капитуляции, Астра почувствовала себя еще более раскованно: и откусила большой кусок от коржика.

— В каком журнале вы работаете? — примирился Иван Луниович.

— В «Юности».

Они прошли в холл «Ленинки», Иван Луниович долго увлеченно жестикулировал руками, раскладывая на подоконнике пасьянсы из карточек, зачитывал абзацы книг. Со стороны они были похожи на Дон Кихота и Санчо Панса: долговязый, длинный — он и семящаяся рядом пышечка с горящими глазами — она.

— Интересно, что это вообще все значит!? — обратилось Астра, скорей не к нему, а в пространство.

— Не знаю, но здесь есть какая-то загадка.

Иван Луниович спросил ее не знает ли она, кто такой Енох. Но Астра не знала. В качестве помощи обещала поспрашивать у знакомых художников-графиков, что может означать изображение в записке Крайнева, в виде симметричного геометрического узора. Поместив записку на оконное стекло, Астра попыталась отстеклофонить изображение, но листок записки оказался слишком плотным и не пропускал свет солнца. Тогда она просто перерисовала его себе в блокнот, довольно быстро и умело.

Затем они вдвоем поднялись в справочно-библиографический отдел и перебивая друг друга попытались объяснить его сотруднику, что ищут информацию о Енохе, упомянутом в Библии. Однако, пожилой библиограф, не дослушав их сказал:

— Я знаю кто это! В ваших стихах речь идет об одном ветхозаветном персонаже, жившим до Всемирного потопа, пророке.

— А чем он известен?

— Он считался образцом праведности, поэтому был одним из немногих, кто не испытал смерти. Бог просто взял его к Себе, о чем и говорится в вашем стихе.

— А что еще о нем известно?

— Енох считается автором двух апокрифов.

— ??

— От древнегреческого — сокровенный, тайный. Религиозный текст, не входящий в официальный канон.

— Первая книга Еноха (эфиопская) и Славянская книга Еноха.

— Мы бы хотели заказать эти книги.

— К сожалению, товарищи, у нас в библиотеке их нет.

Иван Луниович, обескураженно открыл было рот, собираясь задать вопрос, но Астра, быстро поблагодарив библиографа, потащила Травина на лестницу:

— Не может быть, чтобы в «Ленинке» их не было. Здесь есть все! Скорей всего, они находятся в спецхране. Дедушка просто не захотел нам сказать или просто не в курсе.

— Слушай, я могу организовать доступ в спецхран через мое руководство, скажу, что мне нужно для работы. В общем, что-нибудь придумаю, — она перешла на ты.

Они обменялись телефонами и распрощались.

«Я правильно сделал, что посвятил Астру в суть своих изысканий. С ней дело пойдут быстрее», — подумал Иван Луниович.

Ночью он не мог уснуть, перебирая в уме материалы, которые нынче днем прочитал в библиотеке: эта был плотный массив деловой переписки, касающийся деятельности Крайнева в «Скульптживархе», море технических терминов, схем, проектов, резолюций — Травин продирался сквозь них как через терновый куст.

Ясно было одно: Крайнев был одним из ключевых организаторов ленинского плана монументальной пропаганды.

Как руководитель Московского профсоюза скульпторов-художников, Крайнев фактически координировал распределение заказов среди скульпторов.

А Артель скульпторов, которую он возглавлял, была не просто объединением мастеров, а практически производственной платформой для выполнения заказов в рамках ленинского плана.

Ну а работа в «Скульптживархе» позволяла ему задать идейный вектор в строительстве новой художественной формы, искать новый язык для советской архитектуры, в том числе в попытках соединить живопись, скульптуру и архитектуру в едином произведении.

Больше всего Ивану Луниовичу запомнилось письмо Крайнева одному своему бывшему однокурснику по фамилии Чарнолуский: это были трогательные воспоминания об ушедшей юности, студенческих забавах. Письмо смотрелось совершенно неуместно среди океана смет и расчетов, как яблоко на снегу.

Крайнев предавался воспоминаниями о своем учителе, придумавшим арифметическую загадку для класса, которую решили все, кроме Чарнолуского: «В музее расставлены статуи в несколько рядов. В первом ряду — 1 статуя, во втором — 3, в третьем — 5, и так далее: в каждом следующем ряду на 2 статуи больше, чем в предыдущем. Всего в такой экспозиции ровно 66 статуй. Сколько рядов в этой экспозиции?».

Попробовав посчитать решение в уме, Иван Луниович незаметно провалился в сон.

16 мая 1984 года

Удобно разместившись в любимом кресле, Иван Луниович с интересом смотрел по телевизору художественный фильм «Государственная граница». За окном стемнело.

Внезапно зазвонил телефон. Он нехотя поднялся и поспешил в коридор.

— У меня есть интересные новости, привет! — это была Астра.

Они договорились встретиться завтра в 5 часов, отпросившись пораньше с работы, у решетки Александровского сада.

17 мая 1984 года

Долгой день.

— Новости две: я узнала, что означает этот рисунок в записке Крайнева и мне предоставили доступ в спецхран.

Они направились в сторону библиотеки имени Ленина.

— Ну, давай, рассказывай!

— Этот знак называется Куб Метатрона.

Иван Луниович поднял бровь.

— Это сакральный геометрический узор, — Астра раскрыла свои записи:

— Это чертёж мироздания, набросанный рукой небесного зодчего, он вмещает пять Платоновых тел — они считаются базовыми формами материями и соотносятся с первоэлементами, это символ универсального порядка и взаимосвязи всего сущего.

Они прошли мимо обелиска в Александровском саду.

Астра продолжила:

— Интересно, что в иудейской традиции Метатрон — это один из самых высоких ангелов, посредник между Богом и людьми, и также — небесный писарь, записывающий все деяния людей, ангелов и события мира.

— Согласно легендам, когда-то Метатрон был человеком, праведником, которого Бог вознёс на небеса.

— Знаешь, как его звали?

Астра торжественно готовила почву:

— Ты сейчас упадешь! Его звали Енох!!

— Считается, что он создал этот куб из своей души, чтобы с его помощью поддерживать баланс во Вселенной, — выдохнула она.

— Пора познакомиться с Енохом поближе, — сказал Иван Луниович, распахивая дверь библиотеки.

У Астры на руках было ходатайство о доступе в спецхран с необходимыми визами. Спецхран находился на 5-том ярусе главного книгохранилища, возле служебного прохода к которому Иван Луниович и был покинут.

Она вернулась через полчаса сжимая книги в руках и сияя:

— В их читальном зале ремонт, поэтому мне разрешили использовать общий, в порядке исключения. Книжки, на самом деле, не очень секретные. Но я подписала бумажку о неразглашении, между прочим.

Они поделили книги между собой и договорились перенести обсуждение вне стен библиотеки.

Прошло полтора часа.

Иван Луниович, скрывая возбуждение, ожидал Астру у дверей главного входа. Их уже выпроводили из читального зала в связи с закрытием библиотеки, Астра должна была вернуться из спецхрана.

«Вот и она»!

Они перебежали проезжую часть в неположенном месте и по Манежной улице пошли в сторону площади 50-летия Октября.

Иван Луниович начал рассказывать:

— В общем в Первой книге Еноха рассказывается об ангелах. Их было 200, и они назывались «Наблюдатели». Их задача была надзирать за землей и людьми, хранить установленный Богом порядок. Но однажды поразившись красотой земных женщин, обуреваемые страстью, ангелы возжелали их. Подстрекал всех ангел по имени Семияза — боявшийся действовать в

одиначку и поэтому предложивший скрепить решение коллективным закланием. Так они и сделали.

Ангелы спустились на землю и взяли в жены дочерей человеческих.

От этих союзов родились исполины — жуткие существа, достигавшие 150 метров в высоту, пожиравшие все вокруг, включая обычных людей.

Падшие ангелы также передали людям знания, которые не принесли свет, а породили насилие и грех: запретные ремесла, военное искусство, черную магию, оружие и ювелирное дело.

Бог возгневался и свершился Божий суд:

Енох было пытался ходатайствовать за «Наблюдателей» перед Богом, но его просьба была отвергнута: нарушение слишком серьезно, чтобы его можно было простить.

Архангел Михаил сковал мятежных ангелов и низверг их в темные глубины до дня великого суда.

Архангел Гавриил натравил исполинов друг на друга, чтобы они сами себя истребили. И их духи после смерти тела не знают покоя.

Иван Луниович и Астра пересекли Красную площадь и свернули на улицу Разина.

— У меня аж мурашки побежали! — сказала Астра.

И продолжила:

— Ну, а во второй книге в центре — небесное путешествие самого Еноха. Его берут на небо, и он рассказывает об устройстве мироздания. Кстати, он встречает и твоих падших ангелов в заточении на втором небе. А на пятом небе живут «Бодрствующие» ангелы, которые скорбят о согрешивших братьях.

Знаешь, что я подумала? Пока ты рассказывал, мне не давала покоя одна мысль: вот это слово «Бодрствующие», оно же встречается в записке Крайнева, в стихе 1 Петра 5:8: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить». Правда, в виде глагола, но это не важно. Астра посмотрела снизу вверх на Ивана Луниовича:

— Ведь Новый Завет был написан на древнегреческом, верно?

— Кажется да.

— Так вот, интересно, все эти слова: «Бодрствующие», «Наблюдатели», я еще встречала варианты: «Стражи», «Надзиратели» — не являются ли они калькой кого-нибудь древнегреческого слова, потерянного в переводе на древнеславянский и русский?

— Ну, да, — ответил он, пораженный.

— По содержанию слова, ведь это же все про одно и то же!

Распрощавшись, они расстались возле станции метро «Площадь Ногина».

Ночью Ивану Луниовичу снова приснилась арифметическая задача, описанная в письме к Чарнолускому. Он пытался ее решить и так и этак, но ничего не получалось: решение как будто уплывало от него. Измучившись, Иван Луниович, пробудился, потянулся к своим запискам на тумбочке, включил торшер.

«В музее расставлены статуи в несколько рядов. В первом ряду — 1 статуя, во втором — 3, в третьем — 5, и так далее: в каждом следующем ряду на 2 статуи больше, чем в предыдущем. Всего в такой экспозиции ровно 66 статуй. Сколько рядов в этой экспозиции?».

Взяв листок бумаги, он написал простейшую формулу суммы первых N членов арифметической прогрессии, используя метод Гаусса.

Взялся рассчитывать — ничего не получается.

Еще раз проверил — ничего.

«Подожди. Сумма любого количества последовательных нечётных чисел, начинающихся с 1, всегда является полным квадратом. Тогда возможные ответы это: 36, 49, 64, 81... Но никак не 66. Как он сразу это не заметил!

При заданных условиях задача не имеет решения, в принципе»!!

Иван Луниович еще раз схватил свои записи:

«Все правильно.

Но в письме Крайнев вспоминает задачу, как решенную всем классом, кроме Чарнолу-ского»!?

Не выдержав, Иван Луниович набрал номер Астры.

— Интересно, ты знаешь сколько время!? Два часа ночи! — Астра явно была не рада, но на удивление выслушала его и огорошила:

— Ты знаешь кто такой Чарнолуский?

И тут же добавила:

— Прочитай фамилию задом-наперед!

— Начиная с лу!

И сама же прочитала:

— Лу-но-чар-ский!! Отчим Луначарского был внебрачным сыном полтавского поме-щика польского происхождения Федора Чарнолуского.

После продолжительной паузы Иван Луниович пробормотал:

— Ты думаешь, что этим письмом Крайнев закодировано на что-то намекает?

— Ну, конечно! 66 статуй, Луначарский — это тебе ничего не говорит?

— Декрет о монументальной пропаганде, 66 фамилий, коим предложено поставить памятники в Москве, — тихо прошептал Иван Луниович.

Окончательно проснувшись, он направился на кухню, где наполнил чайник водой из-под крана и поставил его на огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.